

К. М. Станюкович

Грозный адмирал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С75

Станюкович К.М.
С75 Грозный адмирал / К. М. Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2012. –
58 с.

ISBN 978-5-4241-2969-8

Грозный адмирал - книга известного русского писателя Станюкович Константин Михайлович, в которой прозаик отобразил сложные характеры русских моряков, правдивые картины жизни на море в эпоху пореформенной дореволюционной России.

ISBN 978-5-4241-2969-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Станюкович Константин
Михайлович
Грозный адмирал

Константин Михайлович СТАНИЮКОВИЧ
ГРОЗНЫЙ АДМИРАЛ

Повесть

I

Лишь только кукушка на старинных часах в столовой, выскочив из дверки, прокуковала шесть раз, давая знать о наступлении сумрачного сентябрьского утра 1860 года, как из спальни его высокопревосходительства, адмирала Алексея Петровича Ветлугина, занимавшего с женой и двумя дочерьми обширный деревянный особняк на Васильевском острове, раздался громкий, продолжительный кашель, свидетельствующий, что адмирал изволил проснуться и что в доме, следовательно, должен начаться тот боязливый трепет, какой, еще в большей степени, царил, бывало, и на кораблях, которыми в старину командовал суровый моряк.

Услышав первые приступы обычного утреннего кашля, пожилой камердинер Никандр, только что приготовивший все для утреннего кофе адмирала и стороживший в столовой его пробуждение, стремглав бросился бегом вниз, на кухню, сиявшую умопомрачительной чистотой и блеском медных кастрюль, в порядке расставленных на полках, - и крикнул повару Лариону:

- Встает!

- Есть! - по-матросски отвечал Ларион, внезапно засуетясь у плиты, на которой варились кофе и сливки, и уже облеченный в белый поварской костюм, с колпаком на голове.

- Хлеб, смотри, не подожги, как вчера! - озабоченно наставлял Никандр. - А то сам знаешь, что будет.

Круглолицый молодой повар Ларион, крепостной, как и Никандр, накануне воли, отлично знал, что будет. Еще не далее как вчера он обомлел от страха, когда его позвали наверх к адмиралу. Однако дело ограничилось лишь тем, что адмирал молча ткнул ему под нос ломтем подгоревшего хлеба.

- Не подожгу... Вчера, точно ошибся маленечко, Никандра Иваныч... Передержал.

- То-то, не передержи! Да чтобы сливки с пылу! Через десять минут надо подавать. Не опоздай, смотри!

С этими словами Никандр выбежал из кухни, забежал в свою каморку, чтобы взять платье и на диво вычищенные сапоги адмирала, и вернулся в комнаты. В столовой он снова озабоченно осмотрел стол - все ли в порядке, оглядел пол - нет ли где пыли, и затем, отворив осторожно двери, прошел через кабинет в маленькую, уже опустевшую спальню и, поставив сапоги и сложив бережно платье, стал дожидаться с простыней в руках, когда его кликнут для обычного обтирания после холодной ванны, которую адмирал брал ежедневно.

Этот Никандр, которого прочие слуги в доме звали Никандрой Иванычем, служивший при адмирале безотлучно и в море и на берегу в течение двадцати лет, был сухощавый и крепкий человек лет под пятьдесят, с смышленным, несколько мрачным лицом. Гладко выбритые щеки и подбородок и коротко остриженные волосы придавали Никандру военный вид. Человек он был несобщительный, исправный до педантизма и проворный, как и все слуги адмирала, не терпевшего медлительных движений. Вышколенный барином и до сих пор сохранивший знак этой "школы" в виде надорванного правого уха, в котором

блестела сережка, хорошо изучивший характер и привычки Ветлугина, Никандр сумел так приспособиться к грозному адмиралу, что тот гневался на своего камердинера относительно редко и, по-своему, благоволил к нему. Да и не за что было и придраться к Никандру - до того он был исправен и безукоризнен в исполнении своих обязанностей. Вся его жизнь была, так сказать, поглощена одним адмиралом, заботами, чтобы все было сделано вовремя, чтобы в комнатах была чистота, напоминающая чистоту корабельной палубы, и неодолимым, вечно напоминающим о себе, страхом адмиральского гнева. Казалось, лично о себе Никандр и не думал и собственных интересов не имел, а существовал на белом свете исключительно для адмирала. И только в последнее время, когда слухи о воле стали настойчивее, на сдержанном мрачном лице Никандра появлялось по временам какое-то загадочное выражение не то радости, не то недоумения.

Он неизменно просыпался в пять часов утра, всегда с тревожной мыслью: не проспал ли? Торопливо одевшись, Никандр в своем затертом гороховом сюртуке и в мягких войлочных башмаках начинал мести комнаты и что-нибудь убирал или чистил вплоть до полудня. С полудня он неизменно облакался в черную пару и снова находил себе работу до обеда, когда вместе с другим слугой подавал к столу. Затем он убирал серебро и посуду (все было у него на руках и под его ответственностью), подавал чай и успокаивался только в одиннадцать часов, когда адмирал обыкновенно ложился спать, и все в доме облегченно вздыхали. Тогда Никандр уходил в свою каморку (на половине адмиральши служил другой лакей) и, прочитав "Отче наш", укладывался на своей койке и засыпал, как и просыпался, опять-таки с тревожными мыслями, на этот раз о завтрашнем дне: о том, например, что надо завтра приготовить мундир, надеть ордена и звезды, сходить к портному, взять из починки старый адмиральский сюртук и доложить адмиралу, что запас сахара на исходе.

Прочие слуги в доме уважали и любили Никандра, и все звали его по имени и отчеству. Он был добрый и справедливый человек, нисколько не гордился своим званием камердинера и старшего слуги и хотя был требователен и, случалось, ругал за лодырство, но никогда не ябедничал и не подводил своего брата. Напротив! Бывало, что он являлся заступником и принимал на себя чужие вины.

Из ванной доносилось фырканье моющегося адмирала. Затем слышно было, как он крикнул, погрузившись в холодную, прямо из-под крана, воду. Тогда Никандр, физиономия которого выражала сосредоточенное и напряженное внимание, пододвинулся поближе к двери в ванную. Мипуты через три оттуда раздался отрывистый, повелительный окрик: "Эй!" - и в ту же секунду Никандр уже был за дверями и, накинув простыню на мускулистое, покрасневшее мокрое тело вздрагивавшего высокого адмирала, стал сильно растирать ему спину, поясницу и грудь. Адмирал лишь от удовольствия покрякивал и временами говорил:

- Крепче!

И Никандр тер во всю мочь.

Когда адмирал произнес наконец: "Стоп!" - Никандр быстро сдернул простыню, подал сорочку и вышел вон. Адмирал всегда одевался сам.

Через десять минут его высокопревосходительство, заглянув в кабинете, по морской привычке, на барометр и термометр, вышел в столовую в своем легком

халате из цветной китайки и в сафьянных туфлях, направляясь быстрой и легкой походкой к столу. Как большая часть моряков, адмирал слегка горбил спину.

Одновременно с его появлением в столовой Никандр подал на стол кофейник, сливки, ветчину и тарелку с ломтями белого хлеба, поджаренными в сливочном масле. Подставив адмиралу стул, камердинер отошел к дверям, и адмирал стал пить из большой чашки кофе, заедая его горячими "тостами" и холодной ветчиной. Пил и ел он с большим аппетитом и необыкновенно скоро, точно торопился, боясь куда-нибудь опоздать.

II

Несмотря на то что адмиралу стукнуло уже семьдесят четыре года, никто не дал бы ему этих преклонных лет - так еще он был полон жизни, крепок и молоджав. Высокий, плотный, но не полный, широкоплечий и мускулистый, он никогда в жизни серьезно не болел и пользовался неизменно могучим здоровьем. Он еще и теперь, несмотря на свои годы, взбегал без передышки на лестницы верхних этажей, исхаживал, не чувствуя усталости, десятки верст и летом в деревне скакал на коне, травя лисиц и зайцев.

Его продолговатое, сухошавое лицо, отливавшее резким румянцем, с загрубелой от долгих плаваний кожей, имело суровый, повелительный вид. В нем было что-то жесткое, непреклонное и властное. Сразу чувствовался в адмирале человек железной воли, привыкший повелевать на палубе своего корабля. Его небольшие серые глаза, с резким и холодным, как сталь, блеском, глядели из-под нависших, чуть-чуть засевших бровей с выражением какого-то презрительно-спокойствия старого человека, выдавшего на своем веку всякие виды и знающего себе цену. Высокий его лоб был прорезан морщинами, и две глубокие борозды шли по обеим сторонам прямого, с небольшой горбиной, носа; но тщательно выбритые щеки, казалось, не поддавались влиянию времени: они были свежи, гладки и румяны. Густые светло-каштановые волосы на голове, подстриженные, как требовала форма, едва серебрились, и только короткие колючие усы были совсем седые. Прическу адмирал носил старинную: небольшой подфабранный кок возвышался над серединой лба, как петуший гребень, а виски прикрывались широкими, вперед зачесанными, гладкими прядками.

В свое время Ветлугин был лихим капитаном, и суда, которыми он командовал, всегда считались образцовыми по порядку, чистоте, железной дисциплине и "дрессировке" матросов. У него, как любовно говорили старые моряки, были не матросы, а "черти", делавшие чудеса по быстроте и лихости работ. Но даже и в давно прошедшее жестокое время, когда во флоте царили линьки и зверская кулачная расправа считалась обязательным элементом морского обучения, Ветлугин выделялся своею жестокостью, так что матросы называли его между собою не иначе, как "генерал-арестантом" или "палачом-мордобоем". За малейшую оплошность он наказывал беспощадно. Офицеры боялись, а матросы положительно трепетали грозного капитана, когда он, бывало, стоя на юте и опершись на поручни, зорко наблюдал, весь внимание, за парусным учением.

И матросы действительно работали как "черти", восхищая старых парусных моряков своим, в сущности ни к чему не нужным, проворством, доведенным до последнего предела человеческой возможности. Еще бы не работать подобно "чертям"! Матросы знали своего командира, знали, что если марсели на учении будут закреплены не в две минуты, а в две с четвертью, то капитан, наблюдавший

за продолжительностью работ с минутной склянкой в руках, отдаст приказание "спустить шкуру" всем марсовым опоздавшего марса. А это значило, по тем временам, получить от озверевших боцманов, под наблюдением не менее озверевшего старшего офицера, ударов по сту линьком короткой веревкой, в палец толщины, с узлом на конце.

Почти после каждого ученья на баке корабля производилась экзекуция десятков матросов. Виноватый спускал рубаху и, заложив за голову руки, становился между двумя боцманами; те по очереди, с расстановкой, били несчастного линьками между лопатками. Матрос, с бледным от страдания лицом, при каждом ударе беспомощно изгибая спину, вскрикивал и стонал. Синева выступала на теле, и затем кровь струилась по истерзанной обнаженной спине.

Разумеется, не всем бесследно проходили подобные наказания. Многие после трехмесячного плавания под командой "генерал-арестанта" заболели, чахли, делались, по выражению того времени, "негодными" и, случалось, провалявшись в госпитале, умирали. Никто об этом не задумывался и менее всего Ветлугин. Он поступал согласно понятиям времени, и совесть его была спокойна. Служба требовала суровой муштровки, "лихих" матросов и беззаветного повиновения, а жестокость была в моде.

Этот же самый Ветлугин, спокойно, с сознанием чувства долга "спускавший шкуру" с людей, в то же время неустанно заботился о матросах: об их пище, обмундировании, частных работах, об их отдыхе и досуге. Боже сохрани было у него на корабле потревожить без крайней необходимости команду во время обеда или ужина или в то время, когда она, по судовому расписанию, отдыхает. Он запарывал шкиперов, баталеров и каптенармусов, если замечал злоупотребления. Отдача под суд грозила ревизору, если бы Ветлугин заметил, что матроса обкрадывают. Он презирал казнокрадов и, сам до щепетильности честный, никогда не пользовался никакими, даже и считавшимися в те времена "безгрешными", доходами в виде разных "экономий" и "остатков". Все эти экономии и остатки шли на улучшение пищи и одежды матросов. У него в экипаже* матросы всегда были щегольски одеты, ели отлично, имели и на берегу по чарке водки и получали на руки незначительные деньги в добавление к своему скудному жалованью. В этом отношении Ветлугин был безупречен.

* Экипаж флотский - то, что в армии полк. - П р и м.
а в т о р а.

Точно так же он не терпел nepoтизма и никогда ни о чем не просил даже за своих сыновей. Старшего своего сына, моряка офицера, служившего на эскадре, которой, уже адмиралом, командовал Ветлугин, он так допекал, был до того к нему строг и придирчив, что сын просил о переводе в другую флотскую дивизию, чтобы только не быть под начальством грозного адмирала-отца. Если он и просил за сыновей, то для того только, чтобы им не мирволили и держали в ежовых рукавицах.

Прокомандовав в течение многих лет эскадрами, Ветлугин был, наконец, произведен в полные адмиралы и получил почетное береговое место в Петербурге.

В описываемое время адмирал Ветлугин давно был на покое и не плавал, перестав быть грозою во флоте. Ему уж не приходилось следить зорким напря-

женным глазом с подозрительной трубой в руках, со своего флагманского стопушечного корабля, за любимой своей эскадрой, шедшей в бейдевинд, под марсельями и брамсельями, двумя стройными колоннами, в составе нескольких кораблей и фрегатов, с легкими посылочными судами - шкунами и тендерами, плывущими, словно маленькие птички, по бокам гордых кораблей-лебедей, - не приходилось, говорю, следить за эскадрой, которой он только что приказал сделать сигнал: "Прибавить парусов и гнать к ветру!" Уж он не любит быстрого исполнения сигнала и не видит перед собою этих моментально окрылившихся всеми парусами кораблей, которые быстро понеслись по морю. Не видит он и этого совсем накренившегося тендера, под командою его сына, молодого лихого лейтенанта, - тендера, под всеми парусами несущегося к адмиральскому кораблю. Он проносится под самой кормой адмирала и, получив на ходу приказание идти в Севастополь, мастерски делает крутой поворот и, чертя бортом воду, мчится, словно чайка, скрываясь от глаз по обыкновению на вид сурового, но в душе довольного адмирала-отца.

Да, ничего он этого не видит, да и не на что теперь смотреть! Парусным судам подписан смертный приговор, и уже паровые корабли плавают в море, попыхивая из труб черным густым дымом, оскорбляющим мысленный взор старого "парусника", презрительно называющего новые суда "самоварами", благодаря которым исчезнут будто бы настоящие лихие моряки и "школа".

Теперь адмиралу приходилось лишь вспоминать прошлое в тиши своего кабинета или с такими же представителями старой эпохи, как он сам, стариками адмиралами, слегка фрондируя и презрительно подсмеиваясь над новыми порядками и реформами, вводившимися во флоте в то время общего преобразовательного движения, охватившего Россию вслед за Крымской войной.

Старый адмирал чувствовал, что песня его спета бесповоротно и что на свете свершается нечто для него неожиданное и не совсем понятное. Все незыблемое, казалось, устояло колебалось. Освобождение крестьян было на носу. Отовсюду веяло чем-то новым, каким-то духом свободы и обновления. Во флоте собирались отменить телесные наказания. В "Морском сборнике", которого адмирал был подписчиком, печатались диковинные статьи: о свободе воспитания, о необходимости реформ, причем осмеивались старые морские порядки и выражалось негодование на жестокое обращение с людьми. Мичмана, казалось адмиралу, уже не с прежней почтительностью отдают ему честь при встрече. Адмирал был несколько ошеломлен, но не смирился перед требованиями времени.

Его особняка на Васильевском острове, по-видимому, нисколько не коснулась новая жизнь. Там он по-прежнему оставался грозным адмиралом, считая свою квартиру чем-то вроде корабля. Он сделался еще суровее, по-прежнему не удостоивал никого из семьи разговором, предпочитая подчас лучше жестоко скучать в одиночестве, чем потерять тот престиж страха и трепета, который внушал он всем своим домочадцам. И все они по-прежнему продолжали трепетать перед грозным адмиралом.

Один лишь младший сын Сережа, семнадцатилетний юноша, кончавший курс в морском корпусе, вселял в адмирале по временам некоторые подозрения. Старикуну казалось, что этот "щенок" в последнее время не так испуганно и поспешно опускает свои быстрые черные глаза под суровым взглядом адмирала и что будто бы в глазах "мальчишки" скользит какая-то неуловимая улыбка.

Перед суровым взором адмирала до сих пор смиренно опускают глаза, чувствуя невольный страх, и жена и все дети, начиная с первенца, почтенного женатого капитан-лейтенанта, украшенного орденами, и вдруг этот "щенок" с черными глазами как будто оказывает строптивость!

И грозный адмирал делал вид, что не замечает "щенка", когда тот приходил по праздникам из корпуса, хотя и зорко следил за ним во время обеда, сурово хмурия брови и готовый придрататься к чему-нибудь, чтобы "разнести" своего Вениамина, олицетворявшего в глазах адмирала ненавистный ему "новый дух".

III

Адмирал выпил свои две большие чашки кофе, поднялся и, заложив за спину руки, стал ходить по столовой своей обычной быстрой, живой походкой. Убиравший со стола Никандр заметил, что адмирал часто вздергивает плечами и по временам издает отрывистые звуки, точно прочищает горло, - значит, он не в духе, - и Никандр спрашивал себя: отчего это? Уж не узнал ли он, сохрани бог, что Леонид Алексеич (третий сын адмирала, кавалерийский офицер) кутит и играет в азартные игры? Об этом Никандр прослышал от лакея Леонида Алексеича и сокрушался за молодого барина, зная, что добра не будет, если адмирал как-нибудь узнает про это. Или не заметил ли барин вчера, что на половине барыни гости оставались после одиннадцати часов? Или уж не из-за Варвары ли дело? Не встретил ли он кого-нибудь у новой своей сударки?

Не разрешив, однако, причины дурного настроения адмирала, Никандр пошел убирать кабинет и спальню. "Ужо будет гроза!" - подумал старый камердинер, мрачно вздыхая.

К семи часам повар Ларион уже стоял у дверей, выжидая, когда барин обратит на него внимание. Он, наконец, обратился, приблизившись к повару, который низко поклонился и затем замер, вытянув руки по швам, быстро, точно и ясно заказал обед (адмирал распорядился всем в доме сам) и крикнул:

- Понял?

- Понял, ваше высокопревосходительство!

Затем адмирал, по обыкновению, осведомлялся: что сегодня готовят для людей? (Для людского обеда было недельное расписание на каждый день.) Ларион доложил, что кислые щи с говядиной и пшенная каша с маслом. Тогда адмирал шел в кабинет, доставал из письменного стола деньги и, возвратившись, неизменно говорил суровым тоном, подавая повару деньги:

- Не транжирь... смотри!

- Слушаю, ваше высокопревосходительство! - так же неизменно отвечал Ларион и стоял как вкопанный, пока адмирал не говорил ему: "Пошел!" - или не делал соответствующего знака рукой.

Ровно в восемь часов, когда на военных судах поднимается флаг и гюйс и начинается день, адмирал уже был в сюртуке, застегнутый на все пуговицы. Маленькие остроконечные воротнички в виде треугольников торчали, из-за черного шелкового шейного платка, обмотанного по-старинному, поверх другого платка - белого. Одет он был всегда не без щегольства и любил душиться.

Через четверть часа он неизменно шел гулять, несмотря ни на какую погоду, и, проходя в прихожую, обыкновенно спрашивал у Никандра, махнув головой по направлению к половине адмиральши:

- Спят?

- Точно так!

Адмирал недовольно крякал, надевал пальто и фуражку и выходил на улицу. Гулял он час или полтора, и всегда по Васильевскому острову. На набережной он иногда останавливался и смотрел, как грузятся иностранные пароходы, и, видимо, сердился, если работали тихо, сердился и уходил. При встречах хорошеньких женских лиц адмирал молодцевато приосанивался, и с лица его сходило обычное суровое выражение. К женщинам адмирал чувствовал слабость и, несмотря на свой преклонный возраст, был порядочным таки ловеласом. Когда он разговаривал с дамами, особенно молодыми и красивыми, глядя на него, нельзя было подумать, что это грозный адмирал. Он словно весь преобразался: был необыкновенно галантен, весел и разговорчив и очаровывал вниманием и любезностью. Недаром в свое время он пользовался большим успехом среди дам и смущал адмиральшу своими неверностями. Крайне воздержный вообще в жизни, - он почти не пил вина, не курил и ел умеренно, - адмирал имел лишь одну слабость: не мог равнодушно видеть хорошенькую женщину, особенно если у нее был, как он выражался, "красивый товар".

Возвратившись домой, адмирал спрашивал у Никандра: "Встали?" - и, получив ответ, что "изволили встать и кушают чай", проходил прямо в кабинет и проводил там все время до обеда, если не выезжал на службу или с визитами. Сперва он читал газеты "Times" и "С.-Петербургские ведомости", и читал их от доски до доски, хмурясь по временам, когда какая-нибудь статья возбуждала его неодобрение, что в последнее время случалось-таки часто. Покончив с газетами, он присаживался к письменному столу и в календаре делал краткие отметки и замечания, преимущественно критического характера, о новейших событиях и мероприятиях. Затем он просматривал "Морской сборник" или читал какую-нибудь историческую книгу, ходил по своему обширному, скромно убранному кабинету, по стенам которого висели превосходные английские портреты-гравюры Екатерины, Николая, Нельсона, Суворова и Румянцева, и таким образом коротал свое время. На половину адмиральши и двух дочерей-девиц, бывших институток Смольного монастыря, он заходил в каких-нибудь редких, исключительных случаях и с женой и с дочерьми встречался лишь за обедом или в гостиной, если приезжали гости, к которым адмирал выходил. Дочери никогда не осмеливались переступить порога его кабинета без зова, да и сама адмиральша входила туда, когда нужно было спросить денег, всегда со страхом.

Иногда к адмиралу заходил кто-нибудь из товарищей-адмиралов. Таких он принимал у себя в кабинете, приказывал подать марсалы и английских галетов, и угрюмый кабинет оживлялся. Старики выхваляли прошлые времена, бранили нынешний флот и удивлялись тому, "что нынче творится".

- Резерв какой-то сочинили... Многих вон... Слышал, Алексей Петрович?

- Слышал... А мальчишку назначают морским министром.

"Мальчишка" этот был пятидесятипятилетний вице-адмирал.

- Дожили! - иронически восклицал гость, сухенький, низенький старичок адмирал, известный во флоте своим обычным восклицанием перед товарищескими обедами: "Кто хочет быть пьян - садись подле меня, кто хочет быть сыт садись подле брата!"

- Не до того доживем! Пропадет наш флот!

Отведя свои души, адмиралы улавливались насчет преферанса завтра вечер-

ком, гость уходил, и старик снова оставался один.

В половине двенадцатого Никандр обязательно входил в кабинет и докладывал, что "проба" готова. Вслед за тем появлялся повар Ларион в белом костюме, в безукоризненно чистом колпаке на голове, с подносом, на котором в двух маленьких деревянных чашках была "проба" людского обеда. Этот обычай, существующий на военных судах, строго соблюдался и в доме адмирала.

Адмирал обыкновенно съедал полчашки щей, хлебая их деревянной ложкой, и отведывал кашу. Если - что случалось редко - проба была нехороша, щи недостаточно жирны и мясо жилистое, адмирал несколько раз тыкал кулаком в лицо Лариона. Бледный, с подносом в руках, он только жмурился при виде адмиральского кулака и уходил иногда с разбитым в кровь лицом.

Сегодня щи были отличные. Адмирал, стоя, выхлебал почти всю чашку, отведал каши и, махнув рукой, сказал: "Обедать!"

В это время вся прислуга, как мужская, так и женская, должна была собраться в кухню: в комнатах оставался дежурный мальчик-казачок. На обед полагалось полчаса.

После завтрака адмирал присел было в кресло у окна и принялся за книгу, но ему не читалось. Он нервно поднялся и заходил по кабинету, поводя плечами и сжимая кулаки.

Видимо, старик был не в духе.

IV

В это самое время в спальне у адмиральши шло совещание.

Адмиральша, высокая, полная, белокурая женщина, за пятьдесят лет, с кротким нежным лицом, сохранившим еще остатки замечательной красоты, советовалась с дочерьми: Анной, немолодой уже девицей около тридцати лет, и молоденькой и хорошенькой Верой, насчет покупки разных вещей к осени, необходимых для нее и для дочерей. Сумма выходила довольно крупная, и это пугало адмиральшу. У нее на руках не бывало денег; за каждым рублем приходилось обращаться к мужу, и надо было улавливать хорошее его настроение, чтобы получение денег обошлось без неприятных сцен.

Эта женщина, выданная по шестнадцатому году замуж за Ветлугина, которого до замужества она видела всего два раза, представляла собой редкий пример кротости, терпения и привязанности. Своей воли у нее не было - муж давно обезличил жену. И несмотря на всегдашнее его полупрезрительное отношение, несмотря на суровый его гнет, она продолжала боготворить мужа, как какое-то высшее существо, боялась и в то же время любила его с какой-то собачьей преданностью. Давно уже лишённая его супружеского внимания, она втайне ревновала, оскорблялась его частыми неверностями и посторонними связями, не смея, разумеется, заикнуться об этом.

После долгого совещания дамы решили пока ограничиться двумястами рублями. Адмиральша сейчас же пойдет в кабинет.

Подойдя к дверям кабинета, она заглянула в замочную щелку. Адмирал, только что переставший ходить, сидел за письменным столом. Адмиральша перекрестилась и тихо стукнула в двери. Ответа не было. Она постучала сильнее.

- Можно! - раздался резкий, недовольный голос.

- Здравствуй, Алексей Петрович! Прости, что беспокою! - проговорила адмиральша своим тихим, певучим, несколько дрожащим от волнения голосом,